

Я не научилась любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её.

П. Чаадаев

Понимать мир — это значит для меня стоять с миром вровень. Важна су-ровость жизни, а не понятие жизни, как тому учит страусова идеалисти-ческая философия.

О. Шпенглер

VII

К концу 1916 г. в России окончательно оформился двуединый (сдвоенный) субъект, если угодно, субъект-тандем — русско-британский. Русская часть была представлена российским капиталом, в основном московским, связан-ным со старообрядцами, частью генералитета и думцев. Британская — опре-делёнными сегментами британского капитала и истеблишмента, чьи интересы артикулировались “командой” Милнера (закрытая наднациональная структура мирового согласования и управления “Группа”, она же — “Мы”), сыгравшей решающую роль в подготовке и развязывании Первой мировой войны. Цели обеих частей, британской и ориентированной на неё российской, — свержение самодержавной монархии (генералы и часть клана Романовых, стремившихся лишь к смене монарха на троне, играли “втёмную”), установление следующей в “британском фарватере” Российской республики и обеспечение решающих позиций британского капитала в России. Сами по себе, по отдельности рос-сийский и британский “полусубъекты” достичь указанных целей не могли — сработать могла только двойная масса. Она и сработала Февральским пере-воротом, увенчавшегося победой “тандема”. Однако вскоре выяснилось: за победой открылась пустота. Ставленники российского и британского ка-питала, попытавшиеся осуществить буржуазную революцию в имманентно

---

* Окончание. Начало — в №10 за 2017 год.

антибуржуазной стране, которую они к тому же плохо знали, быстро потеряли контроль над ситуацией: страна начала разваливаться, в деревне сильно запахло новой пугачёвщиной в духе 1906–1907 гг. Это в столице Керенский “калифствовал на белом коне”, а в стране — “... всё это, значит, безвластье. / Прогнали царя... / Так вот... / Посыпались все напасти / На наш неразумный народ” (С. Есенин). Феврализм, “временщина” стали лишь стремительным развитием — расширением, углублением и обострением — кризиса позднего самодержавия, развязанного реформами Александра II.

Проблемы победившего в феврале 1917 г. русско-британского субъекта не исчерпывались, как это и положено в революционно-кризисные времена, “внутренностями”. Нарастала внешняя проблема, связанная с ещё одним англосаксонским хищником, вовсе не собиравшимся мириться с тем, что кузены-британцы прибирают к рукам лакомый кусок — Россию, решая таким образом одну из поставленных ими задач мировой войны. Речь, естественно, о США или, как писали в те времена, САСШ.

В 1915 г. в рамках реализации плана “Марбург”, предполагавшего распространение власти США на весь мир, была создана American International Corporation (“Американская международная корпорация”). В её правление вошли крупнейшие американские магнаты, опиравшиеся, помимо прочего, на мощь созданной ими в 1913 г. Федеральной резервной системы. Главной целью корпорации было установление экономического контроля над Евразией, прежде всего над Россией, которую предполагалось при случае расчленить на части.

В России в самом начале XX в. американский капитал в лице Рокфеллеров столкнулся с британским капиталом в лице Ротшильдов. Объект борьбы — бакинская нефть. Нефть, добываемая в Российской империи входившими в ротшильдовский кластер Нобелями, была конкурентом хоть и раскассированной, но де-факто ещё единой рокфеллеровской “Стандард ойл”. И не случайно Рокфеллеры “спонсировали” стачки бакинских нефтяников, одним из организаторов которых была группа И. Т. Фиолетова (в ней, кстати, какое-то время состоял Сталин).

Поскольку Февральский переворот привёл к власти в России силы и правительство, стоявшее на пути американских интересов, было решено это правительство свергнуть силами определённой части российских революционеров во главе с Троцким, у которого были свои давние контакты с американским капиталом и Рокфеллерами в частности и который открыто восхищался США и говорил, что настоящие мировые революционеры сидят на Уолл-стрит. В результате всех этих планов оформился ещё один внешне-внутренний двойной субъект — американский капитал плюс некий сегмент российских революционеров — левых глобалистов во главе с Троцким. И неважно, что количественно этот сегмент был невелик. Мир — понятие не количественное, а качественное, как говаривал Эйнштейн, а в условиях кризиса это так вдвойне. В начале мая 1917 г., после некоторых приключений и не без посторонней помощи Троцкий оказался в России. С чем оказался — по этому поводу бытует разная информация. Согласно одному варианту, он вернулся с большими деньгами и большой группой боевиков. А по другому варианту — приехал Лейба Давидович с 534 долларами на двоих с женой и всего лишь несколькими спутниками. Спутников, разумеется, не спрячешь, а вот доллары — вполне можно, особенно если речь идёт об опытном революционере-конспираторе. Тем более что в Штатах Троцкий вёл вовсе не безбедную жизнь. Да и в России он не бедствовал.

Почти месяцем раньше, в апреле 1917 г. в пломбированном вагоне через территорию Второго рейха в Россию прибыл Ленин. Его приезд, после которого он в “Апрельских тезисах” (“Задачи пролетариата в данной революции”) фактически призвал к свержению Временного правительства и к социалистической революции, почти совпал со вступлением США в мировую войну. Г. В. Плеханов квалифицировал “...тезисы” как разрыв с марксизмом, а своего бывшего ученика припечатал как “бланкиста” и “бакуинца”. Впрочем, Плеханов был уже вне игры и скорее напоминал Говорящего Сверчка из “Золотого ключика”, которому Буратино велел убираться из каморки папы Карло. А Ленин играл, но, в отличие от Троцкого, не с американским капиталом. В его “десантировании” в Россию и в расшатывании ситуации здесь, особенно в условиях появления на западном фронте США, была заинтересо-

вана Германия. Так в революции в России и свержении Временного правительства оказались заинтересованы два двойных субъекта: чётко очерченный американско-российский и ситуационно возникший пунктирный российско-германский.

Здесь необходимо ещё раз вернуться к вопросу о наднациональных двойных субъектах вообще и капиталистическо-революционерских субъектах в частности.

Формально господствующие классы капсистемы являются частью своих наций и, следовательно, и наций-государств; более того, у значительной их части есть и национальные классовые интересы, т. е. здесь налицо и содержательная принадлежность. Однако интересы значительной части буржуазии объективно носят наднациональный, интернациональный характер — это и есть одно из главных внутренних противоречий буржуазии, её национально-интернациональная нетождественность самой себе. Вообще, нужно сказать, что реально интернационалистами являются в большей степени не пролетарии, как считали Маркс, Энгельс и многие другие, а представители верхней части капиталистического класса; история Интернационалов, особенно Второго, — красноречивое тому свидетельство. “Интернационалы” буржуазии — капинтерн, фининтерн — оказались в конечном счёте эффективнее всех антикапиталистических интернационалов. Здесь я оставляю в стороне вопрос о связи этих интернационалов-“антагонистов” между собой, поскольку в данном случае для нас важно другое — оформление в капиталистическую эпоху, уже на рубеже, на водоразделе XIX–XX вв. мощной и могущественной международной, интернациональной североатлантической верхушки.

Вот что писал по этому поводу Георгий Кнупфер в работе “Борьба за мировую власть. Революция и контрреволюция”: “С развитием ростоушчества и создающего деньги (money creating) капитализма набрала силу новая форма власти, протагонисты которой не имели подлинных связей с нациями, над которыми они полностью господствовали. Методы и политика этой власти хранились в секрете, её интересы и цели не имели ничего общего с интересами их наций, а в реальности противоречили им. <Таким образом,> возникла чисто паразитическая власть, интернациональная по форме и по духу — и потому, что её совершенно не интересовала судьба её подданных, и потому что её деятельность (operation) была естественно интернациональной, а её главные адепты часто и вовсе были иной национальности, чем население, среди которого они действовали. Эта форма власти не имела никаких органических связей или общих интересов с теми, кем она правит. В этом плане она полностью отлична от предыдущих форм власти, какой бы ни была их юридическая основа.

Номинально капитализм сохранил государственное управление старого типа, хотя в реальности те, кто теоретически правил государством, оказались подчинены ростовщикам и теперь являются не более чем фасадом, полностью контролируемым с помощью финансов”.

Это — о капитализме и капиталистах, о буржуинах. Но ведь и возникающий в качестве антагониста хозяев капсистемы, её Игры-как-Истории (её Истории-как-Игры) тоже оформляется не столько на национально-государственном, сколько на международном уровне. Поле его деятельности, масштаб, важнейшие характеристики — такие же, как у международного капитала, которому он противостоит, с которым борется (причём сама эта борьба расчищает поле для будущего существования — и будущих битв). Но не только борется, имеет место и сотрудничество — косвенное, наведённое, а иногда и прямое. “В истории существуют достаточно короткие периоды, когда будущие противники вынуждены работать сообща исключительными ради создания прочных долговременных основ глобального конфликта, который определит мировой баланс”, — пишет Сергей Горяинов об эпохе рубежа XX–XXI вв. На рубеже XIX–XX вв. такими будущими противниками, одновременно борющимися друг против друга и совместно — с империями XIX в., в том числе с российским самодержавием, — были мировой социализм/коммунизм и мировой же фининтерн. Их связывал принцип единства и борьбы противоположностей. Это единство среднесрочных интересов проявилось и в закулисной механизме русской революции 1905–1907 гг., и в ещё большей степени — обеих революций 1917 г., когда международный капитал действовал рука об руку с социалистами, сначала с умеренными, а потом — с крайне левыми.

Я уже не говорю о контактах 1960–1970-х годов между советским и американским руководством, в которых отражалось стремление не только тайно договориться верхушкам двух стран, но и создать некую наднациональную координационную структуру поверх системных барьеров. Внешним проявлением такого стремления было, в частности, создание Международного института прикладного системного анализа в Вене как некоей ширмы, как акции прикрытия основной операции. В конечном счёте эта операция обернулась против советского руководства, оно попало в западню и проиграло, а сами контакты из поначалу равноправных отношений превратились в отношения международных хозяев и русских приказчиков (а la комиссия “Гор – Черномырдин”). Но это отдельная тема.

Здесь нам важно зафиксировать следующее: природа и логика развития капитализма ведут к тому, что, во-первых, возникает международный слой, интересы которого в основном не совпадают с национально-государственными, а потому требуют особого, преимущественно тайного организационного оформления; во-вторых, возникает международное социалистическое/коммунистическое движение, интересы которого в основном тоже не совпадают с национально-государственными, — и потому что цели и задачи движения носят мировой характер, и потому что движение это противостоит легальной власти, что, в свою очередь, становится двойной причиной превращения как международных, так и страновых оргформ коммунизма в конспироструктуры; в-третьих, у действующих на одном — наднациональном — поле двух кластеров конспироструктур, двух заговоров — международно-капиталистического и международно-коммунистического, несмотря на теоретический долгосрочный антагонизм, нередко совпадают среднесрочные интересы — особенно по линии объектов борьбы.

В результате между ними возникает сверхтайное взаимодействие, формы которого могут носить сетевой, косвенный, а иногда и непосредственный характер (финансирование, дипломатическая помощь, информационная война и т. п.). Перед нами сверхзаговор, тайны которого охраняются особо тщательно обеими сторонами, а попытки прояснить ситуацию отменяются представителями этих сторон как “клевета”, “дешёвая конспирология” и т. п.

Цель интернационал-социалистов — слом системы, революция, земшарная республика — во главе с коммунистической контролитой, иными словами — новая система. Цель интернационал-капиталистов, фининтерна — мировая капиталистическая система без империй и с максимально ослабленным нацией-государством, т. е. иная, новая структура капиталистической же системы.

В период социальных кризисов (снижение уровня мировой прибыли *par excellence*) объект борьбы у обеих групп интернационалистов один и тот же, но в разной ипостаси: социалисты боролись против капитализма как против **системы**, а капиталисты — только как против **структуры**, на смену которой они готовили новую структуру той же системы. В этой борьбе коммунисты пытались использовать фининтерн как антисистемный ледокол международного уровня (впрочем, конкретные результаты редко всерьёз выходили за национально-государственные рамки), тогда как интернационал-капиталисты использовали социалистическое движение для структурной перестройки (разгром империй), для “перезагрузки матрицы” в духе фильма “Матрица-2”. Противостоять двуручному — системно-антисистемному — мечу, двойному — финансово-политическому — удару было очень трудно. Крушение империй в два первые десятилетия XX в. свидетельствует об этом со всей очевидностью. Повторю: интернациональные верхушки — капиталистическая и коммунистическая — силой обстоятельств вынуждены были развивать свою совместную деятельность, деятельность двойного субъекта в качестве сверхтайного заговора, тем более сверхтайного, что в своей пропаганде и те и другие призывали, во-первых, к открытой и честной публичной политике, во-вторых, к непримиримой, не на жизнь, а на смерть борьбе друг с другом. Но вернёмся в 1917 год.

VIII

В течение мая–июня “команды” Троцкого и Ленина шли параллельными курсами, однако после событий 3–5 июля 1917 г. большевики начали испытывать трудности с деньгами. Фактор денег, а также разделяемая Лениным

и Троцкий установою на взятие власти и мировую социалистическую революцию привели к принятию «Иудушки Троцкого» (Ленин) в большевистскую партию и началу его карьеры в ней. В складывающейся ситуации связанный с американским капиталом Троцкий явно выдвигался на первые роли руководителя и революции, и будущей России. Это не устраивало Ленина, но в тот момент он мало что мог поделать. И тем не менее, вождём Советской России стал именно Владимир Ильич, хотя в номерах некоторых американских газетах, вышедших после Октябрьского переворота, в качестве лидера новой России было опубликовано фото Троцкого. Как вышел такой облом? Тем более, как считается, именно Троцкий руководил переворотом.

Мы до сих пор не так много знаем о реальных событиях отрезка между Февралём и Октябрём, о том, что скрыто политической пеной, с одной стороны, и пропагандой – советской и антисоветской – с другой. По-видимому, и большевикам, и их противникам есть что скрывать, и прямых свидетельств и доказательств ждуть, скорее всего, придётся долго. Но ведь есть косвенные свидетельства и доказательства, совокупность которых никак не менее значима, чем прямых – недаром в ГРУ была, а возможно и сейчас есть, структура, специализирующаяся на анализе косвенных свидетельств. В анализе ситуации восьми месяцев, предшествовавших десяти дням, которые потрясли мир, мы вступаем в зону детективной политики или политического детектива, где многие линии приходится прочерчивать дедуктивно. Впрочем, как заметил О. Маркеев, «в любом детективе на поверку оказывается лишь десять процентов вымысла, остальное – факты, сценарии, дешифровка чужих тайн»*. Такого рода сценарий по поводу Октябрьского переворота и того, что ему предшествовало, предложил замечательный писатель О. Стрижак. В размещённом в интернете материале «И приснился мне сон...» он изложил свою версию событий – в большей степени дедуктивную. По поводу недостатка документов Стрижак резонно задаёт вопрос: «А укажите истинный заговор, который оставил по себе хоть клочок бумаги с уличающей записью». И предлагает следующую реконструкцию событий, которую я изложу максимально кратко.

В 1917 г. в условиях рушащегося государства патриотически настроенные военные, прежде всего генералы и офицеры разведки и контрразведки, вошли в контакт с той частью большевиков, которая в наименьшей степени была замечена в контактах с Западом и которая ориентировалась в большей степени на российские дела, чем на мировую революцию. «Контактные лица» – Сталин, Дзержинский, Урицкий. Цель военных – переворот, упреждающий развал России, утрату ею суверенитета и распада на части под ударами Запада, прежде всего англосаксов и их агентуры влияния, и следующий за переворотом мир с Германией и выход из войны.

Реальными руководителями Октябрьского переворота Стрижак считает не Троцкого, отводя ему роль ширмы, а его действиям – акции прикрытия, а Сталина, Дзержинского и генералов разведки. «Мне видится, – пишет он, – что генерал Потапов и Сталин явились реальными руководителями Октябрьского переворота (после Октября генерал Потапов стал начальником разведки Штаба Красной Армии)». Как, воскликнет кто-то в негодовании, при чём здесь Сталин?! Его не было видно и слышно во время Октябрьского переворота, всем руководил Троцкий – он не слезал с телефона. Ответы на подобного рода негодования у О. Стрижака таковы. Во-первых, по телефону, как это расписывал Троцкий, переворотами не руководят – руководят по спецсвязи. Во-вторых, не было видно и слышно не только Сталина, но и Ленина. И что? О. Стрижак специально обращает внимание на то, что «военно-революционные приказания» рассылались по Петрограду именем Петросовета за подписью М. М. Лашевича, а не Троцкого. Военные контрразведчики прекрасно знали о связях Троцкого с США и вовсе не собирались принимать его в свою «компанию», которую ему, однако, удалось отодвинуть весной 1918 г.

Стрижак обращает внимание на то, что в августе 1917 г. генерал-аншеф В. Н. Клембовский (главком Северного фронта) и генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич (начштаба Северного фронта, комендант Псковского гарнизона и – какое совпадение! – родной брат ближайшего соратника Ленина большевика В. Д. Бонч-Бруевича) сорвали мятеж Корнилова, которого не без оснований

* Маркеев О. Чёрная луна. М.: ОЛМА, 2007. С. 71.

считали британским агентом влияния. Ну а в октябре большевики взяли власть — с помощью военных, так же, как и февральисты.

Даже если представить, что картина событий, предложенная О. Стрижаком, — всего лишь интеллектуальная игра в сфере вероятностной истории, игра, в ходе которой под известные события подведена иная причинно-следственная связь, а следовательно, излагается иная схема, то в этом случае можно сказать следующее. При том фактическом материале, который имеется в наличии, данная схема (повторю: даже в том случае, если это плод интеллектуальной игры — кстати, очень качественной) ничем не хуже традиционной, в которой хватает дыр, лакун и умолчаний. Как модель вероятности и фантазии на заданную тему инфоблок Стрижака позволяет, во-первых, дедуктивно объяснить то, что традиционная схема не объясняет, во-вторых, поместить октябрьские и предшествовавшие им события, происходившие в нижней части социальной пирамиды, в контекст борьбы различных элитных групп России, стремившихся контактно использовать низы, — собственно, такое разноуровневое контактное взаимодействие и есть революция. Я уже не говорю о ряде бесспорных фактов, которыми оперирует автор “Сна” и которые позволяют взглянуть на ситуацию под иным, чем обычный, углом зрения.

Мы, например, знаем, что основная масса генералов и офицеров, которые пошли служить красным, сделали это после изданного по инициативе Троцкого приказа Реввоенсовета от 23 ноября 1918 г. о мобилизации бывших офицеров в армию. Основная масса — да. А вот начальник Разведывательного управления Генерального штаба генерал-лейтенант И. М. Потапов даже по официальной версии начал сотрудничество с большевиками в июле 1917 г. Этот эпизод нашёл отражение в советском многосерийном фильме “Операция “Трест” (1967 г.; поставлен по роману Л. Никулина “Мёртвая зыбь”). В фильме ситуация, конечно же, подавалась как переход генерала на сторону большевиков. В реальности же дело, разумеется, обстояло иначе: в сложившейся ситуации начальник разведки использовал определённую часть руководства большевиков (но, конечно же, не Ленина и Троцкого с их компаниями), скорее всего сделал им предложение, от которого они не могли отказаться. Это — во-первых.

Во-вторых, едва ли генерал Потапов сам, лично устанавливал контакт с большевиками — должны были быть посредники с обеих сторон, и логично предположить, что со стороны “спецуры” это были лица, как минимум, симпатизирующие большевикам. Иными словами, генерал Потапов в его контактах с большевиками не мог действовать в одиночку, самой силой обстоятельств это должна была быть акция в составе возглавляемой им группы Разведупра. Скорее всего, и без контрразведчиков, которые “вели” большевиков, а следовательно, хорошо знали ситуацию в партии, дело здесь не обошлось. Да и контакты, скорее всего, начались раньше. Как, например, у генерал-лейтенанта (с апреля 1917 г.) В. Ф. Джунковского, позднее, как стало известно, участвовавшего в разработке операции “Трест”.

Установив контакт с большевиками с явным прицелом на взятие власти (а иначе зачем устанавливаются контакты с людьми такого уровня, ведь это не Дегаев и не Азеф, а нечто иное), Потапов не мог не привлечь к делу сочувствующих — патристически настроенных военных, не просто понимавших, что государство гибнет на глазах, что страна катится в пропасть, но агентурно знавших, кто и как в эту пропасть её катит. Ведя разработку как в России, так и за её пределами иностранной агентуры, с одной стороны, и революционных партий (особенно пораженческих групп типа таковой во главе с Лениным), с другой, они прекрасно знали весь расклад и отслеживали формирование того, что в данной статье названо “двойными международными субъектами”. Они знали, что, например, Керенского “ведут” Великий Восток Франции и британцы; А. И. Гучкова и К^о — тоже британцы, которые вдобавок “вёмную” используют генерала Л. Г. Корнилова, готовясь сыграть им как джокером; прямые связи Троцкого с американцами и косвенные Ленина с немцами — для них не были секретом. Военные видели, что ход событий, особенно война, ослабляет Россию и создаёт угрозу утраты ею суверенитета.

Кстати, аналогично ситуацию видел Сталин, который 5 июля 1917 г. в обращении к рабочим и солдатам Петрограда писал, что у России в складывающейся ситуации только два пути: либо превращение в колонию США, Великобритании и Франции, либо власть Советов, т. е. подлинно левая, социалистическая революция. То есть социалистическая революция рассматривалась им прежде

всего как сохранение суверенитета России, а не как запал мировой революции, отменяющей все суверенитеты. Как тут не вспомнить замечательного русского публициста М. О. Меньшикова, за полтора десятка лет до Октябрьской революции написавшего, что “если не произойдёт какой-нибудь смены энергий, если тягостный процесс подражания Европе разовьётся дальше (а именно в этом направлении толкали Россию февраллисты. — А. Ф.), то Россия рискует быть разорванной без выстрела”*. Смена энергий и есть революция.

Едва ли Сталин с самого начала был стопроцентным государственным, как это пытаются доказать его апологеты; однако в любом случае он акцентировал бóльшую важность происходящего в России, чем “в европах” и на мировом уровне. Это и была позиция группы Фиолетова, в которую одно время входил Сталин, в борьбе с командой Ленина за то, кто в закатно-самодержавной России должен руководить революционным подпольем — зарубежный ЦК во главе с Лениным, т. е. “люди неместные”, или те, кто действует в стране. Позднее сначала логика борьбы за власть и обстоятельства, а затем функция генсека, т. е. руководителя партаппарата сделает Сталина противником мировой революции и сторонником “социализма в одной, отдельно взятой стране”, т. е. импер-социалистом, цель которого не Земшарная республика, а “Красная империя”.

В ситуации 1917 г. логика военных патриотов, толкнувшая их к союзу с большевиками, которые, конечно же, не могли им быть сколько-нибудь симпатичны (равно как и англосаксы, в которых они совершенно верно видели главных врагов России, хуже вражды с которыми только одно — дружба), безупречна: они понимали, что “временные” страну не удержат и что “слазь” им скажут именно левые — дело идёт к революции левых сил, причём вовсе не самых умеренных. В этой ситуации было логично попытаться спасти страну от распада и превращения отдельных её кусков в полукolonии стран Запада, войдя в контакт с теми левыми, которые минимально контактировали с Западом, не были замечены в участии в “двойной субъектности”, а поэтому представлялись не просто наименьшим злом, а возможным партнёром или, как минимум, орудием против внешне-внутренних двойных субъектов. Одни, сами по себе военные с решением этой задачи не справились бы. Двойные субъекты посредством российского сегмента мобилизовали массы, массовое движение, противопоставить которому можно было только массовое же движение, а оно контролировалось различными левыми. Значит, надо было искать союзников среди них и создавать с ними двойного субъекта, только чисто внутреннего. Что и было сделано весной-летом 1917 года. И неважно, что военных вряд ли было много — много для переворота и не надо, будь то 1740, 1762 или 1917 г.: потребны нужные люди в нужном месте в нужный момент. Они обеспечивают первое движение, первый шаг, а затем срабатывает инерция, нарастающий и с определённого момента неостановимый ком событий.

И последнее по счёту, но не по значению. В 1917 г. ни в феврале, ни в октябре никакой переворот не мог быть совершён без участия военных. Разница между Февралём и Октябрём заключалась в том, что в первом случае военные были частью внутренне-внешнего двойного субъекта, а во втором — сугубо внутреннего. Кстати, в пользу схемы Стрижака косвенно свидетельствуют следующие факты: на II Съезде Советов, проходившем во время низложения Временного правительства, весьма информированный Ю. О. Мартов прямо охарактеризовал ситуацию как “военный заговор за спиной съезда”, а ещё раньше, летом 1917 г. не менее информированный И. Г. Церетели обвинил руководство большевиков в связях с генералами.

... Когда-то Свифт решил написать пародию на книгу своего политическо-го и спецслужбистского противника У. Дефо Робинзон Крузо”. Результат против воли автора оказался не пародией, а потрясающим романом для детей и взрослых “Путешествия Гулливера”. Можно сказать, что аналогичным образом интеллектуальная “фантазия на заданную тему” Стрижака, каков бы ни был его первоначальный замысел, обернулась убедительной картиной революции, вычисленная, так сказать, “на кончике пера”. И картина эта не более, а скорее менее фантастична, чем те, что рисуют отечественные и западные историки.

* Меньшиков М. О. Кончина века // Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. М.: Современный писатель, 1998. С. 30.

Поддержавшие большевиков военные настаивали на немедленном мире с Германией, что не устраивало ни Антанту, ни США: им нужно было, чтобы две сотни немецких дивизий оставались на Восточном фронте. Тот факт, что именно Троцкий поехал в Брест-Литовск в качестве главы делегации Советской России, и то, что ему на два месяца удалось затянуть переговоры, говорит о том, что после Октября его группировка начала отвоёвывать позиции. После заключения Брестского договора Троцкий (по-видимому, при временной тактической поддержке ещё одного “проамериканца” Я. М. Свердлова) развёртывает мощное наступление на позиции военных, Сталина и Ленина.

Как известно, 9–10 марта 1918 г. советское правительство во главе с Лениным переехало, а по сути, бежало из Петрограда и его рабочих и матросов в Москву. Однако часть его, в том числе Троцкий и ряд персон из его команды, оставались в Петрограде. 11 марта Ленину за подписью одного из ближайших соратников Троцкого А. А. Иоффе была отправлена телеграмма. В ней говорилось, что задержавшейся в Питере частью ЦК было единогласно принято предложение Иоффе назначить Троцкого наркомом по военным делам. А далее следовала фраза: “Политическое значение того неизмеримо, особенно в Англии и Франции” (подчеркнуто мной. — А. Ф.). Показательно, что из Петрограда в Москву Троцкий выезжал в одном поезде с британской миссией. И интерес внешне-внутреннего “двойника”, и связи с британцами налицо.

19 марта 1918 г. М. Д. Бонч-Бруевич был смещён с его должности, и её занял Троцкий. И хотя Бонч остался начштаба Высшего Военсовета, реальная военная власть оказалась в руках Троцкого, а генералы-державники и Сталин были отодвинуты. В это же время в Москве Свердлов подминает под себя организационно-административную сферу, существенно потеснив Ленина, положение которого начинает напоминать декорацию.

Заняв стратегические властные позиции, Троцкий совершает двухходовку, которая ввергла Россию в Гражданскую войну. Эта война была совершенно не нужна тем, кто совершал Октябрьский переворот, но она была нужна двойному внешне-внутреннему субъекту, коллективному Западу, стремящемуся разорвать Россию на части, — в данном случае интересы США, Великобритании и Франции совпали. Ну а Троцкий Гражданскую войну в России рассматривал как этап в развитии мировой перманентной революции, куда он, да и Ленин сотоварищи готовы были швырнуть Россию в качестве хвороста, а русских — в качестве пушечного мяса. В конце 1917 г. Ленин откровенно заявил своему знакомцу Г. А. Соломону: “Дело не в России, на неё, господа хорошие, мне наплевать, это только этап, через который мы проходим к мировой революции”. Более того, как заметил в одной из бесед с Ф. Чуевым В. Молотов, главную опасность для большевизма Ленин видел в “великорусском шовинизме”. Если учесть, что для Ленина большевизм это то, что работает на мировую революцию, на левоглобалистский проект, то становится ясно, угрозу чему он видит в так называемом “великорусском шовинизме” “угнетающей нации” — и это при том, что в Российской империи русские никогда не были угнетающей нацией.

Подобный подход к русским разделяли Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин и вообще все интернационал-социалисты, адепты мировой революции, включённые в различные формы двойной — внутренне-внешней — субъектности и являющиеся частью двойных субъектов. Именно в соответствии с интересами такого субъекта Троцкий в конце мая 1918 г. и предпринял первый шаг двухходовки, которая и привела к Гражданской войне. Этому предшествовали следующие события.

Для установления контроля над Россией, её расчленения государствам Запада нужно было ввести свои войска на русскую территорию. Однако большевики не торопились приглашать иностранные воинские контингенты, чего добивались прежде всего британцы и американцы. Война с Германией закончилась, и приглашение англосаксов и французов могло иметь место только в случае возобновления войны, чего Ленин и другие старались избежать всеми силами. Тогда британцы предъявили ультиматум: Советская Россия обязана принять их военную помощь. 1 мая 1918 г. Вайзман отправил полковнику Хаузу (смотрящему от Барухов за внешней и внутренней политикой США) шифrogramму следующего содержания: “Если мы решим, что Троцкий не хочет

или не может привлечь нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Маньчжурии и делать то, чего Троцкий не пожелал или не смог бы сделать”.

Это важный документ, указывающий на две вещи. Во-первых, британцы уверены: они могут элементарно создать новое российское правительство, легко поменяв Троцкого на Керенского и, начав интервенцию, посадить Керенского во главе одного из марионеточных государств, на которые они планировали расколоть Россию. Во-вторых, подразумевается, что именно Троцкий решает в советском руководстве важнейшие проблемы. Однако Троцкий, до этого фактически пригласивший британцев на север России (Мурманск, Архангельск), при всей его власти не был всемогущим: 5 мая Ленин и его команда переиграли Льва Давидовича: Совнарком отклонил британский ультиматум и принял немецкий (немцы пригрозили жёсткими действиями в случае появления контингентов Антанты в России). Думаю, именно эта позиция Ленина решила его судьбу в глазах британцев, и именно с этим связано покушение на него в августе 1918 г.

Проблему интервенции Троцкий всё же решил, спровоцировав выступление чехословацкого корпуса. Дело обстояло так. В 1916–1917 гг. из пленных чехов и словаков – подданных Австро-Венгерской империи, готовых сражаться против неё, был создан Чехословацкий корпус. После заключения Брестского мира, чтобы не попасть к австро-венграм и не быть повешенными за измену, корпус выдвинулся вглубь России. В марте 1918 г. было решено отправить его во Францию через Сибирь, Тихий океан, США и Атлантику. На апрель–май 1918 г. около 10 тыс. чехословаков было в Пензе, столько же – в районе Челябинска и около 25 тыс. было разбросано на всём протяжении между двумя этими пунктами. Таким образом, под потенциальным контролем корпуса оказалась стратегически важная Урало-Сибирская железнодорожная магистраль.

Англосаксы и французы упустить такой шанс не могли. 11 мая британский правительственный комитет рекомендовал странам Антанты не выводить чехословаков из России, обеспечить их оружием и использовать в качестве интервенционистских сил союзников, тем более что корпус числился как часть французской армии. 14 мая в Челябинске произошло столкновение между чехами и возвращавшимися по условиям Брестского мира из лагерей венграми. 20 мая создаётся Военный совет всего Чехословацкого корпуса; ясно, что достаточно искры – и полыхнёт. Искру обеспечил Троцкий. 25 мая он издаёт приказ о разоружении Чехословацкого корпуса, в котором говорится: “Каждый чехословак, найденный вооружённым... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором найден хотя бы один вооружённый солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключён в концлагерь”.

Это поразительный документ. Во-первых, Троцкий, известный своей ориентацией на Антанту, на США, постоянно играющий в их пользу, известный как антигерманский и антиавстро-венгерский деятель, издаёт приказ, направленный против одного из корпусов армии Антанты! Во-вторых, Троцкий не мог не понимать, какую реакцию вызовет у почти 50 тысяч хорошо вооружённых людей его приказ – сопротивление. В-третьих, он не мог не знать и не понимать, что из-за слабости советской власти в городах Урала и Сибири приказ некому выполнять, а попытка его выполнить может привести к свержению власти большевиков в регионе. Так оно и вышло. 26 мая начался мятеж Чехословацкого корпуса. Советская власть была свергнута на огромном пространстве, а корпус получил команду от военного руководства Антанты и США установить контроль над Транссибирской магистралью. Мало того, мятеж стал сигналом к антибольшевистским восстаниям казачества от Забайкалья до Урала. Поднялся Дон, и, воспользовавшись этим, А. И. Деникин начал наступление на Кубань и Ставрополье.

Если в начале мая казалось, что Гражданская война затухает и вот-вот закончится, то в начале июня она уже полыхала почти по всей стране, разрывая её на части к глубокому удовлетворению Запада, который использовал мятеж чехословаков. Представители Антанты заявили, что чехам грозит гибель (это при том, что те уже разгромили всех, кто мог оказать им сопротивление) и необходима интервенция союзников. В результате в июле в Сибири оказалось почти 5 тыс. европейцев, почти 12 тыс. американцев и канадцев и 70 тыс.

японцев. Началась интервенция и в европейской части России. Интервенция и Гражданская война были необходимым условием раздела России.

Гражданская война, вспыхнувшая в результате чехословацкого мятежа, рассекала Россию на части по горизонтали, географически, по регионам. Для полного эффекта и необходимо было “вертикальное измерение”, раскалывающее страну по социальному признаку и вдобавок стравливавшее город и деревню. Это тоже было исполнено, и большую роль в этом сыграл всё тот же Лев Давидович.

13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК издали Декрет о чрезвычайных полномочиях (по борьбе с кулачеством и укрывателями хлеба) наркома по продовольствию. Наркомпрод А. Д. Цюрупа прямо говорил об объявлении войны “деревенской буржуазии”, в которую автоматически записали и середняка. Ясно, что ни середняка, ни зажиточные крестьяне буржуазией не были – декрет сознательно провоцировал социальный конфликт в деревне. 4 июля 1918 г. Троцкий заявил: “Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война упёрлась в хлеб. Да здравствует гражданская война!”. А всего двумя неделями раньше, выступая во ВЦИК с докладом об организации комитетов бедноты (комбедов), Свердлов тоже с максимальной откровенностью заявил: “Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разрезать там ту же гражданскую войну, что шла не так давно в городах... только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов”. Естественно, Гражданская война и заполыхала повсеместно. Так и вспоминается фраза из поп-оперы “Jesus Christ Superstar” (“Иисус Христос – суперзвезда”): “Well done, Judas” (“Хорошо сработано, Иуда”).

Пройдёт всего лишь год и, оказавшись в аховом положении (Деникин развернул своё наступление), большевики на VIII съезде РКП(б) будут вынуждены повернуться к середняку, однако это будет в ходе Гражданской войны, развязанной в интересах внешне-внутреннего (российско-западного) субъекта.

Лето 1918 г. выдалось необыкновенным: первые радости революции сменились поражениями и угрозой свержения большевистского режима. Нарастала борьба различных группировок в руководстве ВКП(б) и самих по себе, и как “сегментов” различных двойных субъектов. Момент истины наступил в июле–августе: так называемым “левоэсеровским мятежом”, якобы расстрелом царской семьи (якобы – потому что трупы не предъявлены; расстреляли, скорее всего, не там и не тогда, но это отдельная тема) и вполне очевидное покушение на Ленина, приписанное Фанни Каплан с её зрением “минус восемнадцать”. На мой взгляд, ясно, что Ленина (и его правительство) пытались устранить так же, как за десять месяцев до этого устранили Керенского и Временное правительство – только путём не переворота, а политического убийства. Обломилось. Ленин выжил. В Москву примчался Троцкий, Свердлов через полгода умер при странных обстоятельствах, а в противовес Троцкому начал подниматься Сталин. Точнее, начали поднимать Сталина – в этом были заинтересованы и Ленин с его группой в противостоянии Троцкому и его команде, и военные, ясно как относившиеся к большей части этой мишпухи. Ясно также, что военные были против “мировой революции”, им нужна была российская держава. Однако эта позиция в виде сталинского курса на построение “социализма в одной, отдельно взятой стране”, опровергающего важнейшее положение Маркса, разделявшееся Лениным и Троцким, а также их учителем (во многих отношениях) А. Л. Парвусом (И. Л. Гельфандом), возторжествует только в середине 1920-х годов, когда закончится Гражданская война (1921 г.), начнётся нэп (1921 г.), возникнет СССР (1922 г.), провалится революция в Германии (1923 г.), умрёт Ленин (1924 г.), а триумvirат Зиновьев – Каменев – Сталин нанесёт поражение Троцкому (1924, 1925 гг.).

Это поражение будет нанесено уже после окончания Гражданской войны. Именно она продемонстрирует то, что Гегель назвал “коварством истории”, и, развязанная одними (буржуинами) для расчленения России, а другими (интернационал-социалистами) – для развёртывания мировой революции, неожиданным образом сорвёт планы и тех и других, позволит вместо мировой революции выковать социалистическое государство в одной, отдельно взятой стране. И ещё одно проявление коварства истории: против своих воли и желания, неожиданно для себя самих большую роль в срыве этих планов сыграют белые, их сопротивление большевикам – в этом, по-видимому, и заключается

их большой и важный вклад в восстановление исторической России. Суть в следующем.

По замыслу правых глобалистов Гражданская война в России должна была покончить с Россией, по замыслу левых глобалистов – стать фитилём мировой революции. Замысел провалился. Разумеется, решающую роль в этом сыграл сам большевистский режим, который, будучи исходно ориентирован на мировую революцию, оказался способен трансформироваться в структуру государственного типа, благо стержень имелся – РКП(б) и её “боевой отряд” ВЧК, а во главе аппаратов партии и ВЧК стояли импер-социалисты Сталин и Дзержинский. Разумеется также, что свою роль сыграли определённые исторические обстоятельства, сработавшие на режим и Красную армию. Однако большую роль сыграло само существование белых, с которыми режиму пришлось вести войну и которые заставили большевиков ради красной победы работать над созданием государственности, государства и его атрибутов, т. е. заниматься тем, чем они в соответствии с мир-революционными планами интернационал-социалистической верхушки всерьёз заниматься не собирались.

Трёхлетнее сопротивление белых, в разы уступавших красным по численности и ресурсам, имевших всего лишь половину прежнего офицерского корпуса (половина была у красных) поразительно. Тем более поразительно, что белые дважды – с колчаковским и особенно с деникинским наступлениями – были близки к победе, которая, конечно же, не устраивала западных союзников, игравших и с белыми, и с красными и работавших на развал России. На предложение западных держав провести на Принцевых островах мирные переговоры и поделить Россию на красную и белую части большевики ответили согласием (на Россию, как мы помним, лениным-троцким было плевать, они стремились к мировой революции, пожар которой можно было вполне раздуть из одной части страны), а белые с их идеей “единой и неделимой России”, столь раздражавшей союзников, отказались, и война продолжилась.

Да, у белых не было своего проекта будущего России, политически они были людьми XIX в. (большевики – людьми XX в.), им нечего было предложить России кроме бессмысленного непредрешиченства, у них не было Идеи (опять-таки, в отличие от большевиков). Однако своей упорной борьбой – их “прощальным поклоном” русской истории – они сработали на неё, заставили большевиков “менять кожу”: создавать государство, превращать партийный аппарат в партийно-государственный, в результате чего появился большой слой лиц, заинтересованных не в мировой революции, а в стабильном функционировании государства и его аппарата. За время Гражданской войны произошла не только милитаризация партии, но и максимальная централизация и иерархизация.

“В 1920 г. были образованы в ЦК и губкомах РКП(б) учётно-распределительные отделы. Они стали первыми органами, специально занимавшимися выдвижением и перемещением ответственных партийных работников, а также учётом кадров”*. В 1922 г. деятельность учраспредов была распространена на государственное управление, по сути это было рождение номенклатуры – господствующего слоя СССР. В 1989 г. комиссия Н. И. Рыжкова упразднит номенклатуру, верхушка которой, однако, успеет к этому времени сдать систему и страну глобалистам Запада, устремившись по пути превращения в собственников. Парадокс: слой, который в 1920–1930-е годы в силу своего возникновения и существования встал на пути превращения России/СССР в расходный материал и периферию мировой революции левых глобалистов, в конце 1980-х годов сдал страну правым глобалистам: sic transit... Иными словами, к концу Гражданской войны и в канун превращения Советской России в СССР большевистский режим превратился в мощный партийно-государственный аппарат со своими внутренними интересами – и это был результат Гражданской войны, иначе белых было не победить.

Х

В 1923 г. произошли два события. Событие № 1: потерпела поражение, а по сути провалилась, не начавшись, подготавливаемая из Москвы революция в Германии. Готово было всё: деньги, оружие и даже списки на аресты

* Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 86.

и расстрели. Подкачали структуры, организация, люди. Жена одного из наиболее серьёзных “серых кардиналов” советской истории Отто Куусинена (1881–1964; автор Устава Коминтерна; разработчик плана революции в Германии; автор речи Г. Димитрова на суде; вдохновитель доклада Н. С. Хрущёва “О культе личности Сталина”) весьма информированная А. Куусинен пишет, что причиной срыва плана стало то, что один из главных организаторов событий в Германии К. Радек и его сожительница, небезызвестная Л. Рейснер, не посоветовавшись с Москвой, в последний момент решили изменить план. “Они отдали приказ отложить революцию на три месяца. Посоветовавшись с коммунистами – сторонниками председателя компартии Германии Брандлера, они пришли к выводу, что в стране ещё не созрела революционная ситуация и не все районы готовы к революции. В ходе обсуждения выяснилось, что была допущена грубейшая ошибка: Тельману ничего не сообщили об этом внезапном решении, поэтому он, придерживаясь первоначального плана, пытался в Гамбурге захватить полицейский участок и другие объекты. Он был уверен, что такие же вооружённые захваты идут в Берлине и других крупных городах.

Главными виновниками в конце концов оказались Радек и его подруга. Отто Куусинен, принимавший непосредственное участие в подготовке этой неудачной революции, вышел, как всегда, сухим из воды. Он был достаточно осторожен, принимая участие в рискованных предприятиях. Составленный им план восстания Отто из осторожности дал на подпись Зиновьеву, председателю Исполкома. Однако не следует думать, что Отто оставался в тени из скромности или из-за отсутствия честолюбия.

Причины неудачи в Германии Отто обдумывал не один год. Казалось бы, всё в 1923 году соответствовало ленинской теории, были налицо все предпосылки для революции. И – провал. Лишь много лет спустя Отто пришёл к выводу, что причина неудачи – в руководителях. Те просто перетрусили. Отто считал, что Лениным была недостаточно продумана роль руководителей и функционеров при подготовке и проведении революции.

Так неожиданно мертворождённая революция в Германии стала переломным моментом в истории Коминтерна. Пришлось до основания пересматривать саму стратегию*. Были ли причиной провала Германской революции, который, кстати, совпал с провалом Пивного путча в Мюнхене (совпадение?) только глупость, ошибочные решения, за которыми легко скрыть контрплан? Работали ли Радек и Рейснер на кого-то ещё, кроме Коминтерна? Мы этого не знаем. Важно, однако, что в 1923 г. левые глобалисты получили удар, от которого выиграли, с одной стороны, верхушка Запада, с другой – команда Сталина с её аппаратными (партийно-государственными) установками на строительство социализма в СССР. Им победа революции в Германии ничего хорошего не сулила, напротив, существенно укрепляла позиции интернационал-социалистов, перебивавшихся в Берлин или Гамбург как столицу Дивного Нового Мира победившей европейской революции. В любом случае Германия, Запад оказались не по зубам левым глобалистам. Но в это же время не по зубам Большой системе “Капитализм” оказалась Большая система “Россия” (СССР). Здесь имеет смысл сказать несколько слов о том, кто выиграл и в какой степени в событиях 1917–1923 гг. Как отмечает А. Г. Мосякин: “Шахматную партию с магнатами Уолл-стрит большевистские вожди выиграли. Создатели АИС и её “гуманитарной” миссии не смогли экономически закабалить Россию, как хотели, хотя вывезли сотни тонн русского золота и тем выполнили свою программу-минимум. А вот Ленин сотоварищи выполнили программу-максимум: спасли свою власть и начали строительство “нового мира” в России и на Земле, пожертвовав ради этого золотом. Если бы большевики, подобно Мефистофелю, не манили Запад “солнечным металлом” и не жертвовали им, они бы власти не удержали. Ведь чтобы свергнуть большевиков, Западу достаточно было всерьёз помочь белым силам. Но западные державы этого не делали, потому что русское золото (и “колчаковское”, и “ленинское”) и так текло в их карман. От добра – добра не ищали, а потом уже было поздно. Откупаясь золотом, большевики выиграли время, а вместе с ним выиграли для себя Россию. Это была поистине фаустовская сделка: **золото – в обмен на власть**, которую большевики **купили**. А библейских

* Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919–1965. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 54–55.

масштабы гражданской война, громыхавшая на бескрайних просторах России, была декорацией этого закулисного исторического спектакля”.

Здесь необходимо внести уточнение: Ленин и К^о выиграла только начало первого тайма. Решающую победу одержал Сталин, ставший диалектическим отрицанием линий и Троцкого, и Ленина; продолжение курса этих двух интернационал-социалистов с неизбежностью вело антикапиталистическую Россию к поражению и краху. Сталин сумел создать не коминтерновское, а просоветское лобби за рубежом, включая США, и активно использовал его в интересах СССР. Именно это не может простить Сталину Запад, именно поэтому намного лучше относится к Ленину и Троцкому: оба – глобалисты, а второй вообще почти свой (впрочем, смерть последнего была весьма удобна для американцев, начавших в 1940 г. на всякий случай игры с Керенским – Троцкий для этих игр не годился и в них не вписывался).

Если же говорить о Ленине, то его историческая деятельность закончилась двойным поражением. Во-первых, не произошло никакой мировой революции, на которую он работал. Более того, логика сохранения себя, своей партии и власти заставила Ленина и вообще интернационал-социалистов вопреки их исходному замыслу, сражаясь в гражданской войне, укреплять советскую государственность как субстанцию и советское государство как её функцию и форму. Во-вторых, вместо мировой революции возникло то, к чему Ленин никогда не стремился, – отдельно взятое социалистическое государство, “Красная империя”. Неудивительно, что в последние два года жизни Ленин так сблизился с Троцким и предложил ему союз против Сталина – союз двух мир-революционеров против антикапиталистического государственника. В Большой криптоисторической игре 1917–1927–1939 гг. победили Сталин со товарищи и борющиеся в имперские времена с интернационал-социалистами контрразведчики. А Ленин оказался гениальным лузером, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд. Но, как пел Остап Бендер (в исполнении Андрея Миронова) в советском телефильме “12 стульев”: “Вы оцените красоту игры”. Нельзя не оценить масштаб русских земшарников, прежде всего Ленина. Без их усилий, расшатывавших и уже качавшееся гнилое самодержавие, и мир капитализма, площадка для реализации Красного проекта, для строительства “Красной империи” не возникла бы. И, конечно же, нельзя не оценить идейность лучших из них, помня, однако, что она была тесно связана с жадной Властью – тотальной власти.

“Ленинский грабёж” по иронии (или коварству) Истории сработал не на мировую революцию, а на триумф СССР как альтернативной капитализму мировой системы. Через 20 лет после начала грабежа СССР превратился в мировую военно-промышленную державу № 2, добившись во многих отношениях автаркии от капиталистического мира, впрочем, во многом с помощью этого мира, решавшего таким образом свои проблемы. Через 20 лет после начала в 1992 г. “ельцинского грабежа” РФ оказалась сырьевым придатком Запада (как и Российская империя начала ХХ в.) с туманными, мягко говоря, перспективами развития. Сегодня, в год столетия Октябрьской революции, отказ от сырьевой специализации и, следовательно, прекращение зависимости от Запада – это до сих пор предмет не дела, а разговоров с неясным исходом. “Ленинский грабёж” России соединил золото с Идеей; у “ельцинского грабежа” никакой идеи не было – достаточно посмотреть на лица Ельцина и многих из его окружения: персонажи Гоголя и Салтыкова-Щедрина отдыхают.

“Ленин грезил о мировой революции, а Сталин вершил мировую политику”, – пишет по этому поводу А. Г. Мосякин.

Но вернёмся в 1923 г., к событию № 2.

За полгода до германского казуса, в апреле на XII съезде РКП(б) по предложению Сталина деятельность Учраспредов была распространена вообще на все области управления и хозяйства, а в 1924 г. Учраспред слился с оргинструкторским отделом ЦК. Возникший в результате этого Орграспред во главе с верным сталинцем Л. Кагановичем начал формировать партийную, государственную и хозяйственную номенклатуру.

Если учесть, что ещё почти за два года до этого, в августе 1922 г., партаппарат, подчинённый секретариату ЦК, т. е. генсеку (с апреля 1922 г.) Сталину, насчитывал 15 325 человек (к ним следует добавить 12 тыс. сотрудников Оргбюро и Рабкринна – организаций, столь раздражавших Ленина) и что после запрета на X съезде (1921 г.) фракций в РКП(б) именно секретариат стал

самой могущественной организацией в партии, то мощь советской партийно-государственной власти в России к исходу и в результате Гражданской войны, развязанной для ослабления и уничтожения именно этого типа власти, очевидна. И мощь эта не могла не настораживать интернационал-социалистов, сближение с конца 1922 г. Троцкого и большого Ленина (по инициативе последнего) на антибюрократической/антисталинской основе не случайно: левые глобалисты готовились дать бой. Но Германская революция провалилась, Ленин умер, и в течение трёх лет до ноября 1927 г. Троцкому пришлось действовать сначала в одиночку, а затем в союзе с Зиновьевым и Каменевым. Однако этим мир-революционерам противостоял постоянно растущий партгосаппарат, нацеленный на сохранение и укрепление своих позиций, а следовательно, не на мировую революцию, а на строительство социализма “в одной, отдельно взятой стране”. Партаппарат рос вместе со стремительным ростом численности партии: в 1925 г. там было уже не 15 тыс., а 25 тыс. сотрудников. Стремительно рос и госаппарат: если в 1921 г. в нём насчитывалось 2 666 тыс. человек, то в 1927 г. — 3 722 тыс. (из них собственно административно-управленческая часть — 2 млн).

Запущенная лениными-троцкистами-свердловскими и другими интернационал-социалистами (при всём различии Ленина и Троцкого) Гражданская война породила на мировую революцию, а гиганта, который под названием партгосударство СССР уничтожил “инженеров мировой революции”, не позволил им запустить их “гиперболоид”. Именно в 1927 г. была подведена черта под интернационал-социалистической фазой революции. На 7 ноября — день рождения Троцкого и 10-летия Октябрьского переворота, который до 1936 г. именовали ещё и праздником Первого дня мировой революции, — было запланировано выступление сторонников Троцкого в Москве, Ленинграде и Харькове. Главное место уделялось Москве. Однако рано утром по городу с шашками наголо прошли кавалерийские части под командованием Будённого, что весьма охладило пыл заговорщиков и сократило число активистов. Остальное делали сотрудники ОГПУ.

Несмотря на то, что интернационал-социалисты, связанные с Западом и включённые в международные сети межэлитного взаимодействия поверх барьеров “капитализм-социализм”, потерпели поражение, “левоглобалистское родимое пятно” или, если угодно, “левоглобалистская родовая травма”, сопровождавшая возникновение большевистской партии, никуда не делась. Тем более что продолжал существовать оплот левых глобалистов Коминтерн, с руководством которого Сталину пришлось побороться в 1930-е годы. Коминтерн был тесно связан с элитными организациями Запада (в частности, с фабианцами). Показательно, что западные спецслужбы, например, британская, чётко отличали коминтерновскую разведку от советской, сотрудничающая с первой, но не со второй. Сохранявшаяся в качестве левоглобалистского наследия включённость (пусть небольшой части) советской элиты в сети мирового межэлитного взаимодействия, подавленный, но не искоренённый по объективным причинам (идеология, история партии и т. п.) “левоглобалистский уклон” сохранился и после роспуска Коминтерна в 1943 г., впрочем, такие “сгустки” энергии (деньги, влияние) и информации (организация, информпотоки) никогда не исчезают — они трансформируются и продолжают существовать в скрытом виде, как, например, Четвёртый рейх, но это отдельная тема.

Более того, левоглобалистский “уклон” не только сохранился, но после смерти Сталина по мере ослабления “партийно-государственного” центровых системы начал набирать силу, проявляясь в различных сферах — от внешней политики, внутренней политики (особенно в области национальных отношений — “дурной интернационализм”) до искусства. Необходимо подчеркнуть, что послевоенный, иной, чем коминтерновский и не столь враждебный по отношению к капитализму и к буржуазии, к Западу в целом, а скорее примирительный (“давайте жить дружно”) глобализм в советском руководстве прорастал и нарастал по мере затухания народного социализма, его превращения в номенклатурный социализм, а самой номенклатуры — в квазикласс. Решающую роль в этом сыграли, по-видимому, О. Куусинен и подобранные им кадры, включая два десятка “советников вождей”, которые, будучи антисталинистами, повёрнутыми в сторону Запада и “мировых проблем” (глобализм), обслуживали советских вождей, начиная с Брежнева и заканчивая Горбачёвым, — ясно, что они вкладывали в малоизвилисто-мозговые головы генсеков.

Но вернёмся во времена русской революции в широком смысле слова (1917–1939 гг.; в узком смысле – 1917–1921 гг.).

В 1927 г. закончилась интернационал-социалистическая фаза и началась другая – назовём её “импер-социалистической” (“национал-большевизм” – неудачный термин: большевики проводили не национально-, а интернационально-государственный курс – наследие, “мёртвая рука” интернационал-социализма). Новая фаза, помимо прочего, предполагала решение аграрно-крестьянского вопроса, который остро возник в 1860-е годы и который самодержавие решить не смогло. Теперь советская система должна была расплачиваться не только по своим историческим счетам, но и по счетам самодержавия, причём делать это очень быстро: как сказал в 1931 г. Сталин, если мы за 10 лет не пробежим тот путь, который Запад прошёл за 100 лет, нас сомнут.

Исторический счёт большевистского режима в данном контексте заключается в следующем. В Гражданской войне параллельным курсом, порой пересекаясь, шли два процесса: “революция комиссаров” и “революция крестьян”. К 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность почти всю землю, утраченную общинами во время столыпинской реформы (привет самодержавию!), а в 1921 г. прокатившаяся по стране волна крестьянских восстаний вынудила большевиков пойти на “Брестский мир с собственным народом” и ввести нэп (привет Совдепии!).

Как сказал Ленин, крестьян, в отличие от помещиков, нельзя прогнать, с ними надо ужиться. Впрочем, он сразу же предупредил, что со временем режим вернётся к террору, в том числе к террору физическому по отношению к крестьянам. Выяснение отношений между “революцией комиссаров” и “революцией крестьян” было отложено из-за слабости первых и из-за ведущейся борьбы команды Сталина с интернационал-социалистами, требовавшими разорвать “смычку пролетариата и крестьянства” (символически она была зафиксирована даже на советском рубле 1924 г.: рабочий, положив правую руку на плечо крестьянина, левой указывает ему на солнце, восходящее из-за гор над заводом) и превратить последнее во внутреннюю колонию. Пойти на это до разгрома “левого уклона” означало капитулировать перед Троцким и К^о по кардинальному вопросу. После 1927 г. два года ушло на борьбу с группой Бухарина, ну а после того, как в 1929 г. группа “правых” была разгромлена, а лидер “левых” Троцкий выслан из страны, можно было начинать коллективизацию: “комиссары” приступили к революционному окончательному решению крестьянского вопроса.

Именно этим началась импер-социалистическая фаза русской революции, которая продолжилась индустриализацией, проведённой с помощью американского капитала (который вложился в СССР после того, как британцы закрыли от него Британскую империю – 25% мирового рынка), острейшей борьбой Сталина с региональными баронами и коминтерновской элитой, получившей лживое название “сталинских репрессий”, которая завершилась XVIII съездом ВКП(б) в марте 1939 г. 1939 год можно считать окончанием Большой русской революции, начавшейся в 1917 г. и одновременно концом Большой русской смуты, стартовавшей в 1861 г. Сам же Октябрь 1917-го – это Момент Истины всей русской смутореволюции, развязавший узлы прошлого и завязавший узлы будущего. Это триумф внутреннего двойного субъекта над внешне-внутренними. И неважно, что ему пришлось почти на десять лет отступить под натиском интернационал-социалистов – десятилетие Октября было отмечено его победой и началом новой фазы борьбы, завершившейся в 1939 г.

XI

Теперь имеет смысл взглянуть на Октябрь и русскую революцию в контексте Большой Истории России с посленаполеоновских времён, когда Россия, во-первых, стала сверхдержавой № 2 тогдашнего мира и, во-вторых, начала испытывать серьёзное ошутимое деформирующее влияние капиталистической системы, усилившее и ускорившее процесс разложения самодержавно-крепостнической системы.

Николай I пытался подморозить начавшую загнивать самодержавную систему (повторю: этот процесс стремительно ускорился в результате воздействия на имманентно некапиталистическое общество западного капитализма).

Ему удалось это сделать на целых 30 лет. Александр II своими реформами разморозил одновременно и Россию и кризис. Вся история пореформенной России – это нарастающий кризис, вывести из которого Россию удалось импер-социалистам Сталина, начав этот процесс в 1927–1929 гг. Реальным выведением из кризиса мог быть посткапитализм, т. е. коммунизм, однако “низкий старт” с аграрно-индустриальной основы позволил создать лишь системный антикапитализм, который при условии создания определённой материально-технической базы должен был со временем превратиться в посткапитализм. Не как подготовка к посткапитализму, а сам по себе антикапитализм был подморожением кризиса, в котором почти 70 лет варилась Россия. Однако в отличие от николаевского подморожения, консервативного и оборонительного, сталинское было революционным, наступательным и созидательным – мы до сих пор живём на его фундаменте и греёмся у его костра. “Заморозка” продлилась тоже 30 лет – до 1957 г., когда произошёл разгром хрущёвцами так называемой “антипартийной группы”, представленной сталинским поколением руководителей и воплощающий народный социализм (при всех его эксцессах, о которых нельзя забывать) и перехода к номенклатурному социализму; форма перехода – так называемая “оттепель”. Переход как кризис власти совпал с окончанием советского “экономического чуда” 1950-х годов и началом кризисных явлений в экономике, которые так и не были преодолены Советским Союзом и по наследству, только в ещё более тяжёлой форме, достались постсоветской РФ.

Если кризис СССР начался в конце 1950-х годов и продолжается до сих пор, то в 1967 г. стартовал процесс, который, будучи ещё более важным, этот кризис усугубил. В 1967 г., в год 50-летия Октябрьской революции, на июньском пленуме партноменклатура, исходя из своих квазиклассовых интересов, окончательно заблокировала возможность перехода от антикапитализма к посткапитализму* и вступила на путь, который привёл её к разрушению СССР и советской системы, к горбачёвщине и ельцинщине (“время загогулины”) – т. е. на путь контрреволюции.

Произошло это на фоне проявления результатов сверхнапряжения русского этноса в 1920–1950-е годы (“победитель не получает ничего”), этнопсихологической усталости, проводимого КПСС курса дурного интернационализма (советскость за счёт русских и РСФСР, с одной стороны, и стимулирование национального сознания, а на практике национализма в республиках – с другой) и ликвидации народного социализма, который номенклатура в 1961 г. обещала заменить социалистическим обществом массового потребления. Если время 1917–1967 гг. было восходящей эпохой исторической России, торжеством вертикального аттрактора, то в следующее пятидесятилетие горизонтально-застойный аттрактор быстро сменился деградационным с катастрофическими результатами к 100-летию Великого (никуда не денешься) Октября.

В 1960–1980-е годы с СССР, советской номенклатурой произошло то самое перерождение, которое предсказывал Троцкий и которого так опасался Сталин. Можно только догадываться, что чувствовал вождь, понимая, к чему идёт дело, когда сопротивлялся проведению XIX съезда партии в 1952 г. и изменению названия с ВКП(б) на КПСС – выбрасывалось упоминание большевизма.

История советской номенклатуры – это борьба за превращение в квазикласс той группы, которую историческая Россия использовала в борьбе за самосохранение с глобалистами и которая по мере превращения в квазикласс – диалектика, или, если угодно, коварство Истории – двигалась в сторону сговора с глобалистами и сдачи им себя самой, системы и страны.

С удивительной периодичностью раз в 10 лет партноменклатура, рождённая революцией и Гражданской войной как выходом из смуткризиса 1860–1920-х годов, шла к превращению в квазикласс, а вместе с этим – к новому кризису. В 1937 г. номенклатура сорвала попытку Сталина внести в Конституцию положение об альтернативных выборах, т. е. создать широкую массовую социальную базу для народного социализма, таким образом, максимально затруднив, если не заблокировав, его перерождение сначала в номенклатурный социализм,

* Подр. см.: Фурсов А. И. “Это было недавно, это было давно”. Шестидесятые – переломная эпоха в истории СССР и мира // Раззаков Ф. И. 1960. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. Т. 1. С. 6–53; Его же. Цепи настоящего, силы прошлого, битвы будущего // Фурсов А. И. Борьба вопросов. Психоисторическая война: Русское и мировое измерения. М.: Книжный мир, 2017 (в печати).

а затем в капитализм. Для верности партноменклатура решила подкрепить свои действия массовым террором и таким образом загнать Сталина в угол, а при возможности – устранить от власти. На массовый террор номенклатуры Сталин ответил выборочным террором по верхам. Вал террора был сбит, однако от своего предложения Сталину пришлось отказаться: слой, который он называл “проклятой кастой”, оказался сильнее, а народный социализм так и не получил столь необходимый ему правовой фундамент.

В 1947 г. номенклатура, используя сложную международную обстановку начинавшейся Холодной войны, спустила на тормозах разработку новых, более демократичных, чем прежние, документов – Конституции СССР и Устава ВКП(б).

В 1957 г. июньский пленум ЦК КПСС закончился разгромом “антипартийной группы”, т. е. руководителей партии и страны, строивших вместе со Сталиным народный социализм; номенклатура перешла к строительству своего социализма, народный социализм она заклеила как “сталинизм”.

В 1967 г. (июньский пленум) номенклатура окончательно отказалась от рывка в светлое посткапиталистическое будущее.

В 1977 г. из новой Конституции исчез термин “диктатура пролетариата”, он был заменён “общенародным государством”; в то же время была зафиксирована возрастающая роль КПСС, т. е. партноменклатуры. Номенклатурный социализм получил свою конституцию, однако жить ему осталось недолго: кто не идёт вперёд, катится назад.

В 1987 г. решениями июньского пленума ЦК КПСС был подписан смертный приговор советской экономике и, следовательно, системному антикапитализму и СССР, приведённый в исполнение “трёхчленом” “номенклатура-ГБ-теневой капитал”. Ну а пехоту, которую “трёхчлен”, подгоняемый Западом, бросил на штурм рушащихся бастионов советской системы, он черпал из диссидентско-сексотской клоаки. Вчерашние полудиссиденты, стукачи и фирмачи становились сегодняшними депутатами и реформаторами демократического разлива. На этой основе их из пешек проводили в фигуры – в законодательную и исполнительную власть, где их задачей было обеспечить разгосударствление (т. е. расхищение в особо крупных размерах) государственной собственности, экономики и передачу её жирных кусков в заранее назначенные руки. Одним из средств процесса была “криминальная революция” 1988–1998 гг., в ходе которой власть управляла криминалом с помощью приданных новым депутатам-демократам людей из спецструктур – интерлокеров *à la russe postsoviétique*.

В конце 1980-х годов номенклатура рванула к превращению в собственников в союзе с западным капиталом. И действительно, 70% представителей номенклатуры (в провинции – 80%), одновременно превратившись из “товарищей” в “господ” (многие даже, не побрезговав, озаботились получением у политических проходимцев и самозванцев дворянских титулов – как тут не вспомнить ножкинское “опять наверх попёрла лабуда”), вошли в состав постсоветского господствующего класса – поразительная для русской истории преемственность при переходе от одной системы к другой. Впрочем, говорить о событиях 1991–1992 гг. как о системном переходе можно лишь формально. В реальности постсоветский социум есть не что иное, как вывернутый наизнанку “совок”, самовоспроизводящееся разложение позднесоветского общества, а сама РФ, по меткому выражению В. Цымбурского, – это “корпорация по утилизации России”. Утилизации совместно с западным капиталом – мечта глобалистов начала XX века осуществлялась с помощью советских и постсоветских негодяев. Русская история, издав в 1991 г. неприличный звук и вывалив из себя дурно пахнущую, по н и м а ш ь, **загогулину**, сделала полный круг – от кризиса к кризису через революцию. Но ведь кризисы нередко завершаются революцией, и, как знать, не вызревает ли подспудно зеркальная схема: революция–кризис–революция? Тем более, что 100-летие Октября на носу, разморозка в духе 1860–1920-х годов заканчивается, а советское наследие почти проедено. Да и знаков на стене хватает – кто не слеп, тот видит. Ну что же, поживём – увидим: “блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые”. Тем более, что приходят они внезапно: ещё вчера ананасы и рябчики, а сегодня вот он – “юный Октябрь впереди”, празднование которого отменила постсоветская власть. Праздник отменить, конечно, можно. Это легко, это не страну поднять из руин, победить в страшной войне и послать человека в космос. Значительно труднее встать вровень с веком-волкодавом и попробовать на вкус настоящей борьбы – за Россию, за будущее, наконец, просто за человеческое достоинство.